

всем хорошо известного «Полного собрания сочинений» Ленина, где данный документ полностью опубликован.

Все приведенное выше свидетельствует о том, что кажущиеся на первый взгляд простейшими тексты шифротелеграмм ЦК РКП(б) на самом деле ставят перед исследователем целый ряд весьма серьезных историко-ведческих вопросов, связанных с текстовыми разночтениями, атрибуцией, датировкой и т.п. Без полноценных ответов на эти вопросы использование шифротелеграмм в исторических исследованиях, к сожалению, не всегда оправданно и объяснимо.

Примечания

- 1 Баделин В.И. Золото Церкви. Исторические очерки и современность. Иваново, 1993. С.132–182; История России. 1917–1940: Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С.226–228; Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви. 1888–1932. СПб., 1994. С.308–318; и др.
- 2 Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1997. Кн.1. С.133–139, 478–480; Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.). М., 2003. С.96–110.
- 3 Баделин В.И. Указ.соч. С.133–135; Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.П1. Оп.2. Д.106. Л.125–125об.
- 4 Ср.: Баделин В.И. Указ.соч. С. 133–135 и Архивы Кремля. Кн.1. С.133–136, 478.
- 5 История России. С.227–228.
- 6 Ср.: Сосуд избранный. С. 309 и Архивы Кремля. Кн.1.С.134.
- 7 Архивы Кремля. Кн.1. С.227, 247, 508, 509.
- 8 Баделин В.И. Указ.соч. С. 178–179; Сосуд избранный. С.311.
- 9 «Применить к попам высшую меру наказания» // Источник. 1995. № . С.115; Архивы Кремля. Кн.1. С.251–252, 301.
- 10 Ср.: Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1998. Кн.2. С.53; Баделин В.И. Указ.соч. С.132–133.

*Побережников И.В.
(Екатеринбург)*

СИСТЕМЫ КООРДИНАТ В МАКРОИСТОРИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Исторические системы не возникают в готовом виде. Формируясь постепенно, они изменяются с течением времени, то медленно, то быс-

тро, то эволюционно, то взрывообразно. Это относится и к их развитию в пространстве. Зарождаясь в определенном месте, исторические системы, разрастаясь или сжимаясь, взаимодействуют с другими объектами (системами) в историческом пространстве, становятся взаимосвязанными, причем данные взаимосвязи расширяются быстрее в одних направлениях, медленнее – в других¹. Время и пространство, таким образом, выступают в качестве взаимосвязанных измерений исторического процесса. Показатель время позволяет фиксировать исторические изменения. Параметр пространство выступает в качестве мерила территориальной вариации исторического процесса. В принципе, оба измерения позволяют отражать историческую дифференциацию (временную и пространственную). Вероятно, и время, и пространство следует признать важнейшими измерениями истории, в совокупности образующими систему координат, в которой разворачивается исторический процесс.

Однако современная наука, изучающая прошлое, демонстрирует различное отношение к этим основополагающим измерениям. Широкое распространение получило представление, согласно которому наиболее значимым выступает временное измерение истории. Сторонники данной точки зрения основное внимание уделяют историческим изменениям во времени, т.е. темпоральной дифференциации истории. Подобный подход послужил основой для формулирования множества теорий, базирующихся на идее принципиального единства прошлого. Историческая дифференциация в рамках данного направления научной мысли обычно приобретает форму постепенного прогресса, движения от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия. Сторонники данного подхода полагают, что исторический процесс подчиняется единым, универсальным закономерностям и осуществляется по сходным механизмам, общим для всех территорий.

Подобный подход получил развитие в рамках прогрессистской парадигмы. В основе данной парадигмы лежат идеи о предсказуемом, кумулятивном, векторном процессе изменений обществ, движущихся от одной стадии к другой, обычно более совершенной, сложной, расширяющей возможности человека. Сторонники данного подхода обычно делают акцент на внутренние, эндогенные механизмы развития. Общества, согласно представлениям сторонников данной парадигмы, различаются в зависимости от того, насколько далеко они продвинулись вдоль единой для всех линии развития (прогресса). Одни общества ока-

зываются более развитыми, продвинутыми, другие – менее развитыми. При этом, согласно логике сторонников данного подхода, вторые по мере своего развития будут проходить те же стадии, которые уже были пройдены первыми обществами, и со временем различия, существующие между ними, будут стираться². В русле данной парадигмы предлагались различные трактовки механизмов, обеспечивающих переход от одной временной фазы к другой. Если сторонники формационной теории рассматривали в качестве такого механизма революции, процессы конфликтных трансформаций, то представители классической теории модернизации настаивали на эволюционном характере исторических перемен.

Но общим для тех и других было отношение к пространству как к своего рода второстепенному показателю. Именно временное измерение трактовалось как определяющее, конститутивное. Главным было определение стадийального качества исторического объекта. Все общества идентифицировались как стадийальные фрагменты универсального процесса. Законы функционирования сообществ в значительной степени являлись производными от его стадийальной, т.е. временной привязки. Пространственные же аспекты выступали в качестве иллюстрации тезиса о всеобъемлющем процессе социального совершенствования.

Нельзя сказать, что сторонники данного подхода вообще игнорировали пространственные измерения истории. Последние зачастую вызывали определенные затруднения, в том числе и теоретические, у сторонников прогрессистской парадигмы. Некоторые проблемы при этом решались довольно легко – например, с помощью предложенной сторонниками формационного подхода концепции возможного перескакивания через определенные стадии развития (например, переход от феодализма к социализму минуя стадию капитализма). Другие проблемы так и не получили согласованного, всеми принятого разрешения – например, проблема специфической исторической динамики большинства стран Востока, плохо вписывавшейся в стандартную формационную схему развития.

Нередко пространственная вариативность сводилась лишь к разным способам сборки стандартных стадийальных результатов эволюции. Так, в рамках модернизационного анализа Дэнкварт Растоу обратил внимание на возможность различных маршрутов внутри демократическо-то-талитарного континуума, с помощью которых модернизирующиеся со-

общества институционализируют перемены. Растоу попытался идентифицировать типы проблем, с которыми сталкиваются модернизирующиеся общества, и сравнить пути развития этих обществ в плане выявления той последовательности, в которой им приходится эти проблемы решать. По мнению Д.Растоу, существует три ключевых условия политической модернизации: «идентичность необходима для нации, власть – для государства, равноправие – для modernity; все три в совокупности составляют политический базис современного национального государства»³. Согласно Растоу, различия между обществами зависят от порядка решения данных проблем: одновременного или последовательного (последовательность, в которой общество сталкивается с соответствующими проблемами, также имеет значение). На основе сравнительного изучения Растоу пришел к выводу, что оптимальной для хода модернизации является следующая последовательность решения проблем: идентичность–власть–равноправие. Однако он признавал и возможность субоптимальных путей модернизации.

Попытки расширить познавательные горизонты эволюционистско-прогрессистского подхода привели к возникновению мультилинейных (в том числе билинейных – например, признание особых маршрутов развития для Запада и Востока) подходов. Сторонники последних преимущественно внимание также уделяли внутренним факторам развития, но указывали при этом на вариативность моделей, стадий и механизмов развития. Обсуждение возможности многолинейного развития в значительной степени свелось к выделению «основной» и «побочных» траекторий эволюции. В целом прогрессистский подход обеднял картину исторического развития, редуцируя многообразие культурно-исторических миров к массиву единого человечества.

Описанному теоретическому подходу противостоит следующий, сторонники которого акцентируют внимание на пространственном измерении истории. В рамках последнего подхода история трактуется с позиций множественности, плюрализма, несводимости пространственного многообразия к какому-либо магистральному направлению истории. Данный подход нашел выражение в цивилизационной парадигме, обращаемой преимущественно к формам динамики отдельных цивилизаций или культур.

В основе данной парадигмы лежит идея исторического плюрализма, своеобразия цивилизационных вариантов развития, в значительной сте-

пени изолированных друг от друга и живущих в соответствии с имманентными ритмами, не сводимыми к общемировым стандартным законам и механизмам. Сторонники данного подхода настаивают на структурной и содержательной уникальности больших пространственно-временных исторических массивов, на неразменности их внутреннего опыта. Созданные сторонниками классической цивилизационной парадигмы конструкции являлись по существу циклическими теориями исторического круговорота, согласно которым общества и их подсистемы двигались по замкнутому кругу, регулярно возвращаясь вспять, к исходному состоянию (теории Н.Я.Данилевского, О.Шпенглера, А.Тойнби)⁴.

Таким образом, представители классического цивилизационного подхода признавали в качестве ведущего, определяющего скорее пространственное измерение. Именно показатель пространство позволял им выявлять основополагающие признаки дифференциации, идентифицировать изучаемые объекты – цивилизации. Сам исторический процесс в цивилизационных штудиях в значительной степени приобретал пространственный облик зарождения цивилизаций в определенном месте, их территориального роста, поглощения соседних цивилизаций, в конце концов – эрозии и распада, трансформации цивилизационного пространства в пространство географическое и т.д. Цивилизации в определенном смысле рассматривались как стратегии выживания, самоорганизации человеческого времени–пространства. Сторонники цивилизационного подхода в большинстве своем разделяли убеждение о воздействии исходных пространственных и экологических условий на облик и динамику цивилизаций.

Географическое происхождение имеет и концепт пограничной цивилизации, получивший развитие в современном цивилизационоведении. Пограничные цивилизации трактуются как результаты взаимодействия пространственных процессов, диффузии и амальгамации разноцивилизационных начал, «культурной метисации»⁵.

Показатель время в цивилизационных исследованиях, напротив, играл вспомогательную роль, поскольку фундаментальные базовые структуры и ценности, выступавшие в качестве каркаса, ядра цивилизаций, обнаруживали завидную, «вневременную» устойчивость.

Необходимо, правда, признать, что в современных вариантах цивилизационного подхода были предприняты шаги в сторону его историзации, отказа от фатализма классических версий, признания сложной ди-

намики цивилизаций, не сводимой к элементарному круговороту, признания огромной устойчивости цивилизаций во времени, способных многократно усиливаться, ослабляться, иногда стагнировать, выживать и возрождаться в своих компонентах⁶.

Попыткой включения на равных временных и пространственных измерений в макроисторический анализ, преодоления недостатков прогрессистского (пространственный редукционизм) и цивилизационного (недооценка эстафетности, преемственности истории, ее связности) подходов является схема развития цивилизаций, предложенная японским ученым Шунтаро Ито⁷. Он выступает как против жесткой линейности прогрессистского подхода, так и против изоляционизма цивилизационной модели. По мнению Ш.Ито, представление об изолированном развитии цивилизаций является мифом. Напротив, настаивает ученый, многие цивилизации развивались, оказывая влияние друг на друга. При этом внутренние ритмы динамики цивилизаций подвергались трансформациям под воздействием других цивилизаций.

Ш.Ито полагает, что различать особенности динамики цивилизаций необходимо. Но при этом он настаивает и на потребности в выявлении универсального опыта человечества. По мнению ученого, можно выделить «пять стадий всемирной трансформации», оказывавших воздействие на все человечество, на все цивилизации. Это «Антропная», «Аграрная», «Городская», «Осевая» и «Научная» революции, ознаменовавшие в свое время процессы становления человека современного типа, перехода от присваивающего к производящему хозяйству, рождения городских протоцивилизаций, формирования философии и мировых религий, создания науки современного типа. Указанные революции, считает Ш.Ито, раньше или позже происходили во всех культурных регионах как первичные (независимое развитие) или как вторичные (результат внешних импульсов), но они не происходили одновременно по всему земному шару. Революции, произошедшие в регионах-пионерах, способствовали цивилизационным трансформациям в других областях земного шара, но при этом, отмечает Ш.Ито, основные цивилизации сохраняли присущую им индивидуальность, даже испытав воздействие со стороны других цивилизаций.

Таким образом, по мнению Ш.Ито, применительно к истории человечества возможно обсуждать тему универсальных механизмов и закономерностей (временное измерение). При этом, однако, исследователь на-

ставляет на существовании механизмов, обеспечивающих сохранение цивилизационных идентичностей (пространственное измерение). Таким образом, согласно схеме Ш.Ито, гарантом единства человеческой истории выступает временное измерение.

В рамках следующего подхода, также интегрирующего временные и пространственные измерения, единство и множественность истории обеспечивается за счет интерпретации процессов развития как взаимодействий исторических пространств. Единство истории в этих схемах, таким образом, обеспечивается скорее за счет пространственных измерений. Пространства рассматриваются в этих схемах во взаимодействии, создающем целостность истории. Взаимодействующие пространства подвергают друг друга трансформациям. При этом воздействия территорий, обладающих более мощным потенциалом, оказываются более существенными. В рамках данного подхода единство истории оказывается своеобразным, поскольку применительно к взаимодействующим территориям действуют разнонаправленные механизмы развития. Нередко сторонники данного подхода фиксирует обратную зависимость между динамиками развития взаимодействующих пространств. Тенденции восходящего развития в одних регионах вызывают тенденции нисходящего развития в других. В связи с этим данный подход иногда именуется матричным.

Данный подход получил отражение в теориях зависимости и в миросистемном анализе⁸. Сторонники теорий зависимости акцентируют внимание на особенностях развития стран Третьего мира, испытывающих деформирующее воздействие со стороны индустриально развитых стран.

В рамках миросистемного анализа взаимодействующие регионы помещаются в контекст мировой капиталистической системы, которая формируется примерно с XVI в. И.Валлерстайн систематизировал описание мировой капиталистической системы, сведя его к следующим положениям: непрерывное накопление капитала как движущая сила мироэкономики; осевое разделение труда, где отношение ядро–периферия основывается на формах неэквивалентного обмена, имеющего пространственный характер; существование полупериферийной зоны; сохраняющееся значение ненаемного труда наряду с наемным; совпадение границ капиталистической мировой экономики с границами межгосударственной системы, состоящей из суверенных государств; существование

в миросистеме государств-гегемонов, сменяющих друг друга со временем; циклические ритмы и вековые тренды, в которых воплощается историческая динамика миросистем. Смысл данного подхода заключается в том, что невозможно анализировать жизнь одной нации в изоляции от остального мира, поскольку «внутренние» экономические процессы всякого общества в значительной степени определяются его местом в рамках мировой системы.

Сторонники указанных теорий, в отличие от представителей эволюционного подхода, акцентируют внимание не на внутренних, а на внешних (экзогенных) факторах изменений, отдавая приоритет не национальным, а надстрановым и глобальным характеристикам экономической организации современного капитализма. Особенности развития национальных систем, по их мнению, в значительной степени обуславливаются внешним окружением соответствующих стран и позиционированием последних в мировом иерархически организованном пространстве. Открытием представителей теорий зависимости и миросистемного подхода стала возможность «параллельного» (весьма специфического, не укладывавшегося в рамки линейного стадийного прогресса модернизационного типа) развития или «неразвития» для стран мировой «периферии» (или «полупериферии»). В качестве хрестоматийного примера системной зависимости можно назвать возникновение крепостничества в Центральной–Восточной Европе и плантационного рабства в Америке, вызванное синхронным развитием капитализма в ядре мировой системы – в Западной Европе.

Материалом для апробации теорий зависимости и миросистемного анализа в большей степени служило Новое время, хотя примеры системных зависимостей, возникающих в результате взаимодействия исторических пространств, в более ранний период очевидны (например, античный мир и варварские общества; кочевники и оседлые земледельцы и т.д.). По мнению Джанета Абу-Лухода, еще «до европейской гегемонии» XVI в. в XIII–XIV вв. сложилась своеобразная децентрализованная миросистема (система международной торговли и связанного с ней расширенного внутреннего производства), ядрами которой выступали Средний Восток, степи Центральной Азии, Индия и Малаккский пролив и – со временем – города развивавшейся Западной Европы. М.А.-Чешков выделяет стадию локально-региональной глобальности, реализующейся преимущественно через межцивилизационные связи (исто-

рически проявляется в форме экспансий, ранних империй, торговли на большие расстояния и др.)⁹.

Обращение представителей миросистемного подхода, теорий зависимости к пространственным взаимодействиям в известном смысле сближает их аналитические технологии с методами исследования пространственных связей теоретической географией. Последняя выделяет пространственные процессы (связанные с перемещением процессы типа обращения–циркуляции, диффузии, взаимодействия, путей движения, потоков и т.д.) и структуры (достаточно емкое понятие для обозначения расположения элементов на земной поверхности, включающее такие аспекты как конфигурация, морфология, расстояние, распределение, уклон, микрорельеф, форма, ориентация и т.д.). Вместе взятые, пространственные процессы и структуры и образуют пространственные взаимосвязи – предмет исследования теоретической географии. Применение концептов пространственные процессы, взаимосвязи, конфигурации (структуры) оказалось плодотворным в географической науке. Именно пространственные процессы образуют пространственную структуру идеального континента В.Кёппена; оптимальные потоки сельскохозяйственных продуктов к центру «Изолированного государства» И.-Г.Тюнена образуют кольцевые аграрные зоны; сток в море вод суши и перенос ими различных материалов приводит к развитию зрелых речных долин (У.М.Дэвис); в процессе распространения новых агротехнических приемов в Швеции выделяются передовые и отсталые сельскохозяйственные районы (Т.Хегерстранд)¹⁰.

В целом проблема обоснования системы координат исторического процесса, балансированного учета временных и пространственных измерений истории нуждается в дальнейшей теоретической разработке. Данная проблема не сводится только к теоретическому поиску оптимального соотношения внутренних и внешних факторов исторического процесса. Нуждается в разработке и вопрос о механизмах, обеспечивающих взаимодействие между указанными факторами.

Представляется, что существенную помощь здесь может оказать теория диффузии, объясняющая значимый механизм социальных изменений, который протекает в форме распространения инноваций, в том числе их импорта в определенное общество извне¹¹. Именно способность обществ заимствовать технологии, практики, институты, культурные модели выступает в качестве предпосылки ускорения социального

прогресса и повышения их адаптивных ресурсов в процессе приспособления к новым реалиям. Процесс диффузии получает дополнительные импульсы благодаря совершенствованию транспорта и средств коммуникации, облегчающих интерсоциетальные контакты и взаимодействия внутри обществ. Распространению инноваций способствуют торговля, миграции населения, войны, путешествия, развитие средств массовой информации и т.д.

Роль диффузии в истории трудно переоценить – именно в форме диффузии происходило распространение производительных технологий из первоначально немногочисленных регионов-«пионеров» по всему миру в период «неолитической революции»; трансляция письменности, алфавитов, мировых религий сопровождала становление и развитие цивилизаций. Распространение технологий, организационных моделей, культурно-идейных ценностей в значительной степени ускорило процессы модернизации во всем мире в XVI–XX вв. В условиях современного «информационного» общества колоссальный рост уровня диффузии способствует превращению земного шара в своего рода «глобальную деревню», по выражению М.Маклюэна.

Для анализа внешних «вызовов», выступавших иницилирующими импульсами формирования «цепочек» нововведений, недостаточно, однако, использования теории диффузии. Последнюю следует дополнить концептами «селективной восприимчивости», «селективной инкорпорации» (определение способов, посредством которых общества стремятся поддерживать баланс между внутренними и внешними культурными образцами) и «сравнительной динамики» (процесс, посредством которого реальные или потенциальные элиты систематически включаются в сопоставление реалий собственного общества с реалиями других обществ) Р.Робертсона, а также «межсоциетального подражания» (подражание, подстегиваемое конкуренцией между нациями-государствами) Д.Уэстни¹². Указанные концепты позволяют сформулировать объяснительную схему динамики межстранового конкурентного сопоставления и заимствования нововведений.

Примечания

- 1 См.: Харвей Д. Модели развития пространственных систем в географии человека // Модели в географии. М., 1971. С.237.
- 2 См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С.33–457; Штомпка П. Социология социальных изменений. М.,

1996. С.135–185, 202–228; Классен Х.Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // *Альтернативные пути к цивилизации*. М., 2000. С.6–23; Уайт Л.А. Концепция эволюции в культурной антропологии // *Антология исследований культуры*. СПб., 1997. Т.1: Интерпретации культуры. С.536–558; Он же. История, эволюционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры // *Антология исследований культуры...* С.559–590; Vago S. *Social Change*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P.29–36.
- 3 Rustow D.A. *A World of Nations*. Washington, 1967. P.36.
- 4 См.: Ерасов Б.С. *Цивилизации: Универсалии и самобытность*. М., 2002; *Сравнительное изучение цивилизаций*. Хрестоматия. М., 2001; Штомпка П. *Социология социальных изменений*. С.186–201; *Время мира*. Альманах. Вып.2: Структуры истории. Новосибирск, 2001. С.306–368, 397–423; Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. *Мировые цивилизации и современность (к методологии анализа)* // *Восток–Запад–Россия*. Сб.ст. М., 2002. С.36–66.
- 5 См.: Шемякин Я.Г. *Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории*. М., 2001.
- 6 См.: *Сравнительное изучение цивилизаций*. С.229.
- 7 Ито Ш. *Схема для сравнительного исследования цивилизаций* // *Время мира*. С.345–354.
- 8 См.: Баран П. *К экономической теории общественного развития*. М., 1960; Кардозо Ф.Э., Фалетто Э. *Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации*. М., 2002; Пребиш Р. *Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива?* М., 1992; Валлерстайн И. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб., 2001; Завалько Г.А. *Возникновение, развитие и состояние миросистемного подхода* // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2. С.140–151.
- 9 См.: Поршнева Б.Ф. *Феодализм и народные массы*. М., 1964; Крадин Н. *Кочевничество в современных теориях исторического процесса* // *Время мира*. С.369–396; Дж. Абу-Луход. *Переструктурируя миросистему, предшествующую Новому времени* // *Время мира...* С.449–461; Чешков М. *Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики* // *Безопасность Евразии*. М., 2002. № 1(7). С.378–383.
- 10 См.: Бунге В. *Теоретическая география*. М., 1967. С.10–11, 214–221; Хеншола Д. *Модели сельскохозяйственного производства* // *Модели в географии*. С.164–166, 168–169; Тюнен И.-Г. *Изолированное государство*. М., 1926.
- 11 См.: Vago S. *Social Change*. P.12–13, 80–82, 117–121; Rogers E.M. *Diffusion of Innovations*. N.Y., 1962.
- 12 Westney D.E. *Imitation and Innovation: The Transfer of Western Organizational Patterns to Meiji Japan*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987; Robertson R. *Theory, Specificity, Change: Emulation, Selective Incorporation and*

Modernization // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin; New York: De Gruyter, 1995. P.216–218, 226–231; Idem. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage Publications, 1992.

*Тицкий Н.А. (Нижний Тагил),
Прядин В.С. (Верхняя Салда)*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УРАЛЬСКИХ ГОРОДОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. ГЛАЗАМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ-СОВРЕМЕННОКОВ

В настоящее время, когда продолжается перестройка исторической науки, «подтягиваются ее тыль», особую актуальность сохраняют методологические и историографические исследования. Они помогают трезво и взвешенно оценить количество и качество достигнутого, скорректировать направления дальнейших поисков.

Цель данной статьи – показать освоение социально-экономической истории уральских городов второй половины XIX – начала XX вв. исследователями-современниками тех событий. Это тем более важно, что подобного историографического анализа до сих пор не осуществлялось.

Особенностью размещения промышленности на Урале было сосредоточение предприятий основной, наиболее технически развитой, отрасли экономики региона – горнозаводской промышленности – вне городов. Экономическая структура городов складывалась на основе предприятий фабрично-заводской промышленности, к которой относились все обрабатывающие предприятия, кроме подведомственных Горному департаменту.

Ряд крупных металлургических и горных заводов являлись основными градообразующими предприятиями (Нейво-Алапаевский, Златоустовский). Другие заводы располагались неподалеку от города и играли также ключевую роль в его социально-экономическом развитии (к примеру, Верхне-Исетский). Около городов находились соляные копи и варницы (Дедюхин, Соликамск, Илецк).

Проблемы горнозаводской промышленности нашли отражение в монографических исследованиях Х.Мозеля¹, Е.Н.Барбот де Марни², Д.И.-Менделеева³, характеризующих различные этапы капиталистического развития Урала: 60–90-е гг. XIX в., конец XIX – начало XX вв. Научный обзор состояния и нужд горной промышленности Пермского края в на-